

EUROPA ORIENTALIS 15 (1996): 1

ПУСТЫННИК¹

Василий Малиновский

ВСТУПЛЕНИЕ В ГОРОД

Один неизвестный человек, жив долгое время в глубоком уединении, намеревается посетить знаменитый город в своем соседстве: удаление от света не уменьшило в нем любви к сочеловекам, но паче умножило сожаление о их пороках и несчастиях, чем менее он на себе чувствовал сугубое оных бремя, тем более приметнее ему было сколь другим оное тягостно.

Особливо тревожит его общий слух сих ужасных бедствий, которые распространяются по всей Европе, опустошают целые государства и страны: он желает открыть причины сего.

Долго он рассуждал о своем намерении явиться в народ, видел многие предстоящие ему затруднения, соблазны и огорчения. Одно сомнение о пользе своего посещения колеблет намерения.² Надежда всевышней помощи ободряет дух его.

Он воссылает молитву к Богу, чтобы помог ему достойно совершить свои подвиги и возвратиться в уединение не только с прежним

¹ Desidero ringraziare Ljudmila Borisovna Michajlova per il suo prezioso aiuto nel trascrivere il testo manoscritto dei tre capitoli inediti della povest', che sono qui pubblicati in tondo, mentre i tre già editi figurano in corsivo. Nell'edizione dei tre capitoli manoscritti ci si è attenuti alle consuete norme grafiche utilizzate nella trascrizione moderna dei testi di quel periodo; per i segni d'interpunzione si sono rispettate le scelte dell'autore.

² Il manoscritto presenta a questo punto il seguente passaggio, cancellato da Malinovskij: "После одной ночи, проведенной в разных противных размышлениях и приготовлениях к своему предприятию, ободрен надеждой помощи Божией, он решился приступить к тому и лишь только солнце осветило леса, окружающие его хижину, луч надежды на помощь Божию воссиял в душе его и ободрил в сем важном предприятии".

своим спокойствием духа, но и с удовольствием при чистой совести. И потом оставляет тихое свое жилище и обращает свои стопы в необыкновенный ему путь.

Великолепный вид пышного города вскоре поражает глаза и смущает дух его; по мере приближения своего он усматривает между огромными зданиями сиявший огонь золота и серебра храмы Божие, возносящие главы свои превыше всех строений. И с вздоханием изъявляет желание, чтоб граждане столько предпочитали службу Богию всем удовольствиям своим, сколь храмы его наружности своею превосходят собственные их жилища.

Приходит в городу и видит при входе стражей, которые ведут его к своему начальнику, воспрощающему его о его состоянии. Кто он? Зачем он? Он объявляет доброе намерение свое посетить город, с тем, чтобы помочь его жителям собранными в уединении советами.

- Да кто же ты такой, из духовных что ли?
- Да, я всегда желал быть духовным.
- Что же, ты еще светский человек?
- Нет.
- Да как же мне тебя записать, – продолжал военный пристав – скажи, чем ты живешь и откуда ты пришел?
- Я живу размышлениями и молитвами, и пришел оттуда, где никто не живет.
- Так ты – пустынник, хорошо ступай, но скажи мне, как же ты будешь учить народ не будучи священного звания?
- Вы судите по военному, – отвечал пустынник, – но состояние ваше есть со всем отличное от духовного звания, которое распределяет сам Бог, назначая свойство человека и потому его звание от самого рождения, и какого бы он ни был состояния по обстоятельствам жизни, но первоначальное его предопределение означаемое его склонностями и подтверждает намерение творца и обязывает его по совести исполнить свой долг. Сверх того, всякий христианин по мере своих талантов обязан благовременными советами, и увершаниями своего ближнего. В нынешнее время, я слышу, люди всякого звания вступаются в дела веры, ко вреду её, так чего же не может человек по свойству своему духовного звания, последовать своим склонностям для прославления веры, для впечатления достойного к ней уважения и возбуждения людей к непременному исполнению священных её обязанностей.

– Противники веры уловляя других пристрастиями, внушают им, что одни люди духовного состояния для собственной пользы и как будто по неволе защищают и утверждают веру, но когда человек иного звания по собственному усердию и убеждению принимает на себя великий подвиг, сии развратники остаются безмолвны и все другие внимают ему по мере силы разума и способностей его.

– Сколь ни строги вы, господа военные, но в случае нужды не отвергнете человека, имеющего отважность и силу поражать ваших неприятелей, хотя бы он не военного состояния был.

– Но он должен притом, – говорит пристав, – соблюсти военный порядок и поступать по предписанию.

– Точно так, – говорит пустынник и покидает стражу.

Немногие городские жители пробудились, другие все спали и окошки и глаза их закрыты. Они продолжают во сне утешаться любимыми своими мечтами или тревожиться лишением оных; в других, совесть усыпленная наяву пробуждается вр сне и наказывает своих преступников.

Между тем, встречается пустыннику явный предмет порока и заблуждения, молодой человек, которого лицо было старо, бледно и сухо.

– Куда так рано, – вопрошает пустынник.

– Спать, отвечает повеса.

– Днем спать?

– Да, а ночью забавляться, – сказал сей и пошел прочь.

Колокола возвещали уже часть молитвы, храмы были отверсты: пустынник входит в первый и радуется, что он совокупно с другими многими может воссылать свои благодарения, хваления и молитвы к всевышнему. Но он долго никого не видит, половина молитвы оканчивается, а храм еще был пуст. Он видит в отдалении несколько старииков и старух, и одного молодого человека, который как будто спрятавшись за столбом, усердно молился.

По окончании службы он осматривает церковь и удивляется великому богатству её, спрашивает чтеца: “Кто строил и каков был человек? ”.

– Был беден, разбогател, да умер, – отвечает сей.

– Каковы наследники?

– Иной отца скучее, другой все проживает.

– Строил он церкви или богадельни?

— Станет он строить церкви, и в построенные не ходит, а богоделен, он думает и без него довольно настроено.

— Несчастный отец, — восклицает пустынник, заботился собирать, и не научил употреблять свое богатство.

— Да вот, — сказал чтец, — сей молодой человек, который там стоял, и распутного отца сын, да хорошо живет. Отец разорил их, все промотал, опомнился, оставшись без места и пропитания, и умер с печали. Несчастная вдова осталась и бедна, больна и с четырьмя детьми бы с голода умерла: если б наш священник не постарался о ней, он выпросил ей на содержание у прихожан. А этот молодец, старший ее сын, с малолетства читал в церкви и певал на клиросе. Один господин заметил его здесь, взял к себе и научил хорошо переписывать и после к месту определил.

— Теперь он содержит своим жалованием старуху мать и малолетних братьев и сестер, всякий день приходит к заутренней и оттуда к должности. Мать его истинная христианка, воспитала детей в страхе Божием.

— Вот наследство самое лучшее, — сказал пустынник, — какое родители могут оставить своим детям. Бог не оставит, наградит сего юношу.

1799, 28 июня

ЦЕРКОВЬ И УЧИЛИЩЕ

Лишь только пустынник вышел из церкви, ему представились дети, собирающиеся в училище.

— Благословенные наследники царствия небесного, невинные дети, — говорит он, — да сохранит вас Господь от соблазна, вырастайте, но оставайтесь более детьми по невинности нравов.

Одна мать, провожавшая малолетнейшего из сих молодых учеников, возрадовалась сердечно, услыша сии благословения.

— Постой, Ванюша, — сказала она и подвела маленького сына своего к пустыннику.

— Вот он именинник сегодня, ему минуло три года, я веду его в церковь помолиться, а после в школу начать учить грамоте.

— Благословленно буди матери своей возлюбленное чадо, рано изображающее её вид нежными своими чертами своего лица, — говорил пустынник.

– Будь здоров, возрастай, послушай сладкого её гласа и внемли советам твоего отца, они наставят тебя на путь истины и сохранят от погибели.

– Поцелуй его руку, Ванюша, – сказала добрая мать в восхищении и слезах, и спросила пустынника, разве он знает его отца.

– Я хочу его узнать и буду гость у вашего именинника.

– Пожалуйте, – говорила мать с усердием и искреннею ласкою, приятный вид лица её сильнее всяких слов изъявлял удовольствие иметь такого доброго гостя.

Они взошли в церковь, а пустынник шел за детьми в училище их, прислушивая забавные их разговоры, примечания, удивления и восклицания о разных встречающихся предметах, которые попеременно устремляли их внимание, и они беспрестанно переходили от одного к другому как резвые бабочки, кружающиеся около цветков, сами подобные своими прекрасными крыльями летающим цветам.

Но лишь вступили они в свой класс, вид угрюмого учителя переменил веселые их взоры, суровый голос его исполнил страха боязливые их сердца; иной посмелее подполз под стол и там, спрятавшись, забавлял своих товарищей, которые с трудом удерживались от смеха.

Учитель холодно встретил пустынника, указал ему место садиться, глубокое молчание прервалось вступлением доброй матери со своим именинником, угрюмый человек улыбнулся и совсем другим голосом сказал им “здравствуйте”, поцеловал дитя и посадил подле себя, а мать пошептала ему, и сама ушла.

– Благодарствуйте, – сказал он, оборотившися к своему неизвестному гостю – за вашу ласку к моему сыну, я очень вам рад, пожалуйте, навестите меня. Он начал первый урок своему сыну и потом занимался учением других, гораздо смягчив свой голос против прежнего.

По окончании класса он взял гостя в свою храмину, белые стены, чистый пол и два стула и стол составляли все ее украшение. Не забыть еще старые худые два портрета, которые всего живее изображали бедность хозяина.

Обед скоро был готов, опрятность и чистота заменяли недостаток кушаний. Выпив за пирогом рюмку вина за здоровье именинника хозяин говорил своему гостю:

– Вы верно ошибаетесь, если будете судить по сему обеду в все-гдашнем моем житье и по угрюмому моему взгляду о настоящем моем свойстве. Бедность меня одолевает, вот я веселее нынче для именин-

ника, ему три года. Я радуюсь, но он выrostи должен делить со мной горе. Вот у него две еще сестры, вы видите, одна уже подрастает, чем я выдам ее за муж, кто возьмет ее без приданого. Довольно и отцу ее досталось, что он женился на бедной матери её, но Бог с ними любезные. Мои сродники они стыдятся моего бедного состояния, никто не пожаловал откушать бедного нашего хлеба с солью.

— Я доволен своею женщиною, она сама мне сокровище, но сколько она ни терпелива, разве я могу без сокрушения видеть ее в бедности и безмерных трудах, которые не может она уменьшить ниже в самой беременности, как вы ее теперь видите, и, что мое жалование, — на один хлеб его недовольно по нынешней дороговизне, чем я одену и обую себя и жену, и детей.

Другая рюмка не могла наградить веселия, смущенного сею жалобою, произнесенною от глубины сердца, которое самая радость сделала чувствительнее ко впечатлению печали.

— Бог вас не оставит, — отвечал добрый гост. Вы живете согласно, трезво, трудолюбиво и доставляете хороший пример вашим детям. Сия возрастающая дочь подобно матери своей доставит счастье благородного юноши и, обличая труды его и печали, разделит и благословения его.

— Не същется ли кто из добрых людей, который снабдит ее приданым? Неужели ваши граждане так жестоки, как камни их в которых они заключены? Неужели никто не взойдет в ваше состояние и не наградит вас за труды ваши? Для чего никто не поможет вам из родителей учеников ваших? И почему жалование так мало? Разве не рассудили при учреждении, сколько женатые учителя могут быть благороднее и надежнее холостых? Я вижу по всему, женитьба у вас в городе есть порок и распутство ободряется разными средствами, равно как бедностью и богатством.

— Роскошь, — сказал учитель, все поглощает и нет ни сожаления, ни искры человеколюбия, всякий заботится о своих забавах. Вы первый взошли в наше состояние, другие смеются над нашей бедностью и винят женитьбу; и есть такие злодеи, которые уже спрашивают меня, что я намерен...

—.. Погоди, Аннушка, — сказал он дочери своей, — послушай, не проснулась ли маленькая сестра —

—... сделать с дочерью и твердят мне, чтобы я оставил свою строгую мораль и не потчевал ею бедное свое семейство. Вот таких развратных уродов много у нас, которые желают пользоваться бед-

ностью и принести ее несчастных в жертву своим пороков. Жена слезами своими подтверждала сказанное мужем. Сожаление пустынника обратилось в ужас негодования. Он внутренне возвысил жалобы и молитвы свои к Богу.

В сию самую минуту молчания и слез вступает тот самый молодой человек, которого пустынник видел в церкви. Он подает хозяину бумагу и говорит:

— Вот я еще достал вам работу, вы знаете, этот господин такой добрый, он всегда щедро платит за труды.

Отец рассматривает бумаги, большая дочь входит с маленькою сестрою на руках, молодой человек кланяется и краснеет. Внимательный гость с удовольствием рассматривает юношу, и в доброте сердца своего назначает ему всякое счастье, достойное его добронравия.

Нежная мать угадывает мысли пустынника и думает: “Сам Бог послал сего молодого гостя в самую ту минуту, оплакивания горестной участии, которой они ужасались для возрастающей своей дочери”.

Пустынник прерывает молчание.

— Не сомневайтесь, — говорит он, — Бог не оставляет добрых, чем более он испытывает их терпение, тем более награждает оное. Сей благословенный юноша, сей добрый сын облегчит вашу бедность и уладит все горести. В спокойстве, в здоровье, изобилии проживете вы до глубокой старости и увидите чада чад ваших. Помните мой совет: оставайтесь непреметны.

Сказав сие, он удаляется и оставляет их в утешении приятной надеждою всевышнего.

БЕСПЛОДНЫЙ БРАК

Пустынник был погружен в печальные размышления о бедности и роскоши, жертвою которых попеременно бывают несчастные граждане. Одна разливает горечь свою на самые природные священные утешения семейственной жизни, другая своими излишествами и прихотями приводит оные в презрение, нарушая естественный порядок жизни. Сие влечет за собой всеобщий разврат.

Толпа останавливает задумчивого пешехода: люди теснятся около женщин, страшных своим лицом и нарядом, и со вниманием слушают их речи. Он спрашивает: не общенародные ли это какие наставницы?

— Нет, это цыганки, — отвечают ему, — ворожат на руку.

И между тем он видит, как одна из них сама протягивала свою руку в карету одной барыни, которая остановилась и с жадностью поглощала все слова обманщицы.

— Что вам надо? — сказал пустынник, подойдя к карете. — Не стыдно ли вам слушать такой вздор.

— Подите прочь, не мешайте мне, — отвечала барыня.

— Хорошо, я пойду, но я предсказываю, что если вы послушаетесь сей обманщицы, то вы останетесь в стыде и раскаянии.

Сии слова пронзили сердце ее, она просила пустынника к себе в карету, и как сей согласился поехать с ней куда угодно, то она велела ехать домой.

— Вы не знаете, какие слова сказали; довольно я имела стыда, и вы угрожали меня еще посмеянием! Разве вы знаете что о моем состоянии?

— Нет, не знаю.

— Но вы мне предсказали то самое, для чего я не постыдилась даже ворожития у цыганки.

— Вы хотели одним стыдом избавиться от другого? Хорошее дело! Кто вас, сударыня, научил так рассуждать? Верно, вы не без воспитания. Жалко видеть и простой народ в невежественном и суеверном легковерии своем пребывающим к сим обманщицам. Верно, вас научила нянька ваша, — говорил он, указывая на старушку, которая, струсив, прижалась в уголок и потупила глаза.

— Ах, батюшка, знаю что грех и дурно сделала, да как же быть, вить, — сокрушилася моя матушка, — чего уж не делали, кому не молились, кому не обещались, да ничто не помогает, все нету деточек, и теперь лишь только молиться ездила, как тут советовал наш батька-поп, отпели молебен, к образу приложились, а тут вот попались нам эти колотовки.

— Так это ваш стыд, сударыня, — говорит пустынник. Хорошо еще, что вы его чувствуете: сколько других, которые тому смеются, чтобы желать детей.

Барыня замолчала; старуха нянька обрадовалась и проговорила сряду несколько верст, покуда карета остановилась у великолепного дома.

— Вот мы приехали, ступайте, я вас познакомлю с мужем, — говорила барыня с радостью; и тот выбежав навстречу удивился, увидя неизвестного, говорил жене, верно, еще какие-нибудь странности!

— Позвольте мне удалиться в ваш сад, — сказал пустынник.

Он прогуливается наедине и размышляет о различных его украшениях и предметах: сколько мостов, сколько храмов, сколько разных домиков стоят пусты, только для виду, для отдыхновения. Сколько бедных людей не имеет где главы приклонить. Коль превратна жизнь человеческая, говорит он, с одной стороны — богатство с своим излишеством вымышляет искусственные украшения и портит самую природу, с другой — утесненная бедность не имеет, где и чем распространить нужное и полезное обработание плодородной земли.

Хозяева являются, и, прерывая свои размышления, он говорит:

— Вы молоды и здоровы; счастье ваше, что вы по сие время не имеете детей, иначе в благоденствии своем совсем бы позабылися. Вы наслаждаетесь великим богатством, которое вам досталось без забот и без труда, не чувствуете вы цены своего состояния. Подите к бедным, рассмотрите тягостную их жизнь, облегчите оную и тем заслуживайте благословение всевышнего. Отец всех человеков равное попечение имеет о всех. Когда вы не имеете с кем разделить утешения своего богатства, другие жалуются, что не имеют чем содержать своих детей; вонль их восходит на небо, и жалобы останавливают молитвы ваши столь прилежно, как вы изыскиваете разные утешения и забавы. Должны вы сыскывать людей, имеющих нужду в вашей помощи. Или вы думаете довольно сделали, когда раздаете награждения службы людям, имеющим единое достоинство вашего покровительства, или бросаете несколько денег докучливым нищим? Нет, сышите в честности и молчании растворяющего слезами свою пищу и питие. На первый случай я вам препоручаю участь бедного учителя, которого я здесь узнал. Близ самой той церкви в которой вы, господа, может, не однажды молились, думая придать силу своим молитвам разностию церквей и переменой образов, там стенает в неизвестности одно добре семейство, и самое чадородие, которого вы лишены, им в тягость. Облегчите их состояние, утешьте их горести и наградите трудолюбие и честность их. За то они в радости сердца своего возблагодарят Бога и обратят на вас благословение его. Я говорю о сем семействе, но сколько еще других несчастнейших, достойных вспоможения! Вам должно таковых открыть, дайте себе отдохнуть от прочих забот роскоши и щеславия и потрудитесь сыскать людей, имеющих нужду вспоможения и достойных оного.

Добрая хозяйка приняла сей совет с радостию и немедленно пошла изготавлять письмо и отправить слугу с хорошими подарками для маленького именинника в бедном семействе учителя. Хозяин оставил-

ся с пустынником и после многих увещаний его и советов со стыдом и смущением открыл прежнюю свою распутную жизнь. Противные напоминания прежних пороков извлекли слезы раскаяния.

— Посудите, — говорил пустынник, — достойны ли вы были иметь детей. Счастливы еще, что остались здоровы, чтобы раскаиваться о рождении их.

— Причиною моего развращения в юности, — продолжал хозяин, — худая беседа. Родители воспитывали меня по старине в добронравии и благочестии, но не умели меня предостеречь от вредного знакомства. Они более заботились, чтоб мои приятели были ровного или высшего против меня состояния, и занимались только наружностями, не разбирали ни свойства ни склонностей их. И многие из тех, которых они мне поставляли в пример и учили подражать их учтивости, ловкости и приятности обращения, были первые мои развратители. Моя стыдливость, моя скромность были предметом их остроумия; насмешками своими старались они истребить во мне все добрые семена христианского воспитания; нападая на суеверие, они не щадили самой веры и в ослеплении своем смешивали истину и ложь. Недостаток собственного их убеждения награждался книгами. Приятели мои снабжали меня усердно самыми развратными, из которых одни ложным блеском ума колеблют убеждение о истине веры, другие воспалением желаний юности восстанавливают против оной, осмеивая мудрые обуздание страстей.

Присутствие барыни прерывает разговор. Она рассказывает, что послала в город с подарком к учителю и не оставит познакомиться со всем семейством и снабдит дочь хорошим приданым. А потом гость удаляется в назначенное ему место покоя и тишины.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В молитвах и размышлениях своих пустынник скоро засыпает легким сном; веселье поющих птиц трогает слух его и возвещает наступление дня. Он встречает его с молитвою, выступает на приближенный холм, рассматривает красоты восстающего солнца и, исполнен благоговения, преклоняет колена свои и падает пред величеством творца всedесущего, невидимого, но созерцаемого в творениях его.

Ближайшая деревня обращает внимание пустынника, он избирает ее предметом ранней своей прогулки; там думает он лучше узнать своих хозяев.

Вид бедных крестьянских домов напоминает ему великолепие и красоту пустых строений, поставленных для украшения саду.

— Верно, — говорит он сам себе, — я первый из гостей обратил мои стопы в сей путь, иначе хозяева постыдились бы иметь толь бедные лачужки для настоящего жилища людей, когда они созидают толь украшенные храмы для мнимых богов; если не человеколюбие, то по крайней мере вкус истинной красоты должен бы их наставить, что деревня, выстроенная удобно и красиво, чистые домики крестьянские с садами есть самый лучший и живой храм Цереры и Помоны. Бедные, они все перенимают, надобно, чтоб кто им на опыте показал сие единение пользы и должности с удовольствием!

Потом сей любопытнейший пусть входит в одну избу: грязный пол, черные стены, немного свету из маленьких окошек, крик детей, духота от жару и от нечистоты, — все поражает вдруг его чувства и приводит в изумление. Он подходит к люльке, оттуда пищит бедное дитя, завернутое в черных, толстых тряпцах; старуха сует ему в рот рожок, соследа заливает его молоком, и ребенок более кричит.

— О Боже, — восклицает он, смотря на него, — какое жалостное подобие горестного беспомощного состояния всех ему подобных человеков! Где же мать, спрашивает он старуху.

— На барщине, — отвечает она, покачав головою. — Вот покинули на меня ребят. Где мне углядеть за ними, сама слепа.

Заглянув еще дома в два и находя в них такую же бедность и неопрятность, гость спрашивает, где баршина, и приходит туда.

Сколь прелестен вид жатвы, увенчающей изобилием годовые труды земледелателя! Сия красота пленяет взор и самый разум восхищает удовольствием. Но вид приставника с палкою, угрюмые недовольные лица жнецов, которые вместо радостей, смеха и приятных разговоров прерывали молчание едиными роптаниями и вздохами, плачущие подле их поверженные на земле младенцы — представляют сие самое приятное зрелище совсем с противной его стороны и призывают доброго человека с прискорбием поспешить прочь.

Пустынник, поговорив откровенно с некоторыми крестьянами, которые были подалее от приказчика, возвращается в сад и встречает там своих хозяев.

— Солнце склоняется уже в полудню, говорит он. — Позвольте мне удалиться от жару его под тень.

— А мы еще не успели гулять, — отвечают они...

— Зато вы довольно спали. Мне кажется, я слышал вы охотники до картин; есть ли у вас картина восходящего солнца и картина жатвы?

— Есть и очень дорогие, — с поспешностью отвечает хозяин.

— А я успел ими насладиться в природе даром, и сколько одна ме-
ня пленила, столько смущила другая. Вы довольствуетесь искусственными
вашими картинами и не заботитесь их видеть в природе; и не
все они годились для украшения великолепного замка; вы бы постыди-
лись представить так на картине жилище ваших крестьян, да и жатва
их в точном изображении искусного и верного живописца не прель-
стила бы никого.

— Как можете вы, столь нежные и добрые хозяева, быть равнодушны к такому несчастному горестному состоянию своих крестьян,
кормильцев своих, которым вы обязаны за все изобилие и богатство
свое! Что пользы им в вашем добросердечии, когда вы оставляете их
на волю жестокосердого властелина?

— Но мы их не велим бить, — говорит хозяйка.

— Но знаете ли вы, что их не бьют? Покуда вы почиваете, они осу-
шают свои слезы. Но что вы скажете в оправдание о бедном их жилье,
или вы никогда их не навешали и только слушаете, как они с рабским
страхом кланяются и говорят вам, довольны по вашей милости; а
между тем приносят жалобы и воплют на небо. Не показывает ли вам
то их одеяние, жилище и самые лица! Сколько их умирают прежде
времени, столько вы бываете недостойны иметь своих. Бог наказывает
вас за нерадение, все крестьяне ваши — как дети ваши, вверенные
вашему попечению. Он милостив, берегитесь покуда не прогневается
совсем на вас. Не имея ни воли, ни познания, они в послушании и
невежестве своем, как настоящие дети, не могут ничего сделать сами
собою и делают вас виновными перед Богом во всех несчастиях и
пороках своих. Самое отечество, позволяя вам такую неограниченную
власть, требует от вас соответственного оной положения; оно вас
сделало отцами и пастухами своих многочисленнейших и полезнейших
соучленов. От участия их зависит цветущее или несчастное — от нераде-
ния, или утеснения, или невежества — состояние оного. Когда кре-
стьяне ваши ведут бедную, нищенскую жизнь, земли остаются впусте
или худо обработаны, то не одни они страждут, но и все отечество с
ними чувствует их недостатки. Когда вы имели солдат под вашею
командою, смели ль вы тогда положиться во всем на подчиненных
своих, не заботясь ни о чем и не зная своей должности? Разве страх
наказания сильнее в вас всякого иного чувства и обязанности гражда-
нина, человека и христианина? Поверьте мне, хотя не скоро, но вы бу-

дете наказаны и от Бога и отечества, стыд и бедность последуют нерадению и неправде.

— Вы довольно меня пристыдили, — отвечает хозяин, — но скажите же мне средства исправить состояние крестьян. Родители меня не приучили к хозяйству, а потом ленивая и праздная жизнь, обыкновенная всем людям моего состояния, не допустила взойти в оное. Я догадывался, что управители меня обманывают и утесняют крестьян, но для меня и трудно было принять на себя их управление, и притом я ничего не разумею и жил всегда в городе.

— Так живите же в деревне и учитесь опытом! Найдите хороших соседей и слушайте их, самые книги вам могут помочь, но лучше всего изберите умных, трудолюбивых и честных людей из ваших крестьян и советуйтесь с ними. Труды ваши увенчиваются вашим собственным и крестьян ваших благородствием. Сия несносная скука праздности, сии глупые и вредные провождения времени и забавы, к счастию и спокойствию вашему, убегут от вас и дадут вам почувствовать новые неизвестные удовольствия любви и благодарности своих подвластных.

ПРАЗДНОСТЬ И РОСКОШЬ

Погода была самая пасмурная, серые облака приклонялись на землю; дождь лился рекою, и весь день был, как сумерки. Хозяева сами были смущены и печальны.

Миловзора принялась рисовать и бросила, взялась за арфу, заиграла, запела, начала зевать, слезы навернулись на глазах.

— Как скучно, — сказала она, и бросилась на диван.

— Сколько отдохновение приятно после трудов, столь тягостна беспрестанная праздность, — говорит пустынник. Она давит, мучает человека и бывает иногда несноснее самых тяжелых трудов. Она оставляет в душе пустоту и ведет за собою скуку и жаждость к вредным забавам. Жизнь человека есть деятельность, праздность его — сон и смерть. Она пробуждается и оживляется только страстями, оттого происходят все ваши странные обычай и моды; вы спешите из гостей в гости, праздность и скука гонятся за вами и преследует вас в самых многочисленных собраниях, покуда не открываются там ярмарки страстей. Злословие там изощряет свой язык как бритву, и чтобы прогнать скуку, вы забавляйтесь, вы смеетесь, когда ваш ближний страждет.

— Карты, сии книги невежд, или разорительницы времени, здоровья и счастья, выдуманные праздностью и скукою, показывают, сколько

вы имеете нужды прогонять их беспрестанно. Как опахала, вы держите карты в руках ваших и, как от мух в жару, вы обороныаетесь ими от скучи и праздности!

Но один ли сей странный и вредный обычай приходит в моду от праздности! Она расстраивает и расслабляет и дух и тело, подобно как воды, когда течение их прервалось, обращаются в мутное нечистое болото, которое ничего доброго не производит, так все способности уже усыпляются, портятся и рождают уродливые произведения вкуса и моды, которые тиранствуют над самым здравым рассудком, над верою и благонравием и все покоряют своим глупым законам.

— Сие нарушение целомудрия и супружеской верности не ободряется ли праздностию? Она устанавливает между вами особливый образ жизни, по которому природная юношеству стыдливость почитается за порок; молчаливость и скромность поставляются наравне с глупостию для оживления ваших скучных беспрестанных собраний, ветреность и легкомыслie делаются необходимыми достоинствами.

— Глупая ваша тиранка — мода — лишает вас всех истинных удовольствий обхождения и содержит вас как в беспрерывном маскараде; каждый поступает по приятному на себя ложному характеру маски. Вы не то говорите, что желаете, не то желаете, что должны как люди, как христиане, как граждане, и вы более ни что, ни другое, вы одни маски, и жизнь ваша оканчивается скучкою веселия.

— По мере как разные умноженные средства прибытка обогащают людей простого звания, тщеславие увлекает их к подражанию благородных, изобилие питает их роскошь: леность и праздность ее укореняет, и ложный стыд, сын предрассудка и тщеславия, приводит в презрение прежние их простые и природные времяпровождения и забавы. Маскарад большого света дополняется мещанским и купеческим.

— Благородные разоряются, чтоб отличиться, неблагородные дурчатся, чтоб им уподобиться; взаимное соревнование умножает роскошь и мотовство, [которые] влекут за собою алчность к богатству и обоготворяют оное как источник, как средство всех удовольствий в свете.

— Человек, который всю жизнь свою проводит в трудах, беспокойствах, опасностях, оставляет детям своим в наследство вместе с богатством праздность и роскошь. Всю жизнь свою мучался он для созиания, а им оставляет одну заботу о расточении. Он не имел отдохновения от трудов; они, никогда ничего не делая, не знают куда

девать свое время и бросаются во все дурачества и развращения, которые праздность и роскошь приготовили для расточения богатства.

Тут прервал речь свою пустынник, увидя слуг, вступивших с богатым чайным прибором. Миловзора села за стол и принялась разливать чай. Она подает своему гостю прекрасную чашку чаю, приятный запах показывает его доброту. Пустынник, принимая с улыбкою, говорит:

— Это лекарство, определенное обычаем от скуки и праздности: английская мода придала ему новый вкус приятности, получая хозяйку раздавать его.

— Ах, неужели вам не нравятся и английские обычаи? — говорит Миловзора. — А я их так люблю!

— По моему мышлению, англичане живут лучше всех народов, — прерывает хозяин.

— Мода научила вас так думать и говорить; худая наставница скрыла многое, что хорошо в Англии, и оставила вам свои игрушки забавляться.

— Скажите, — спрашивает Миловзора, — что еще англичане имеют хорошего; я, право, все люблю!

— Богатство сидит на престоле в Англии. Роскошь и праздность доведены там до высочайшей степени. Но вера и здравый рассудок сохраняют еще там власть свою. Англичане склонны к уединению, и оно сохраняет от всеобщего разврата. Между ними найдете вы таких, которые могут быть удивлением и примером для всей Европы. Англичане много еще имеют для подражания, кроме обычая разливать чай, и сей самый занимает свою приятность от порядочного образа жизни. Англичане имеют наслаждаться семейственным счастием брачного согласия и родительской нежности. Во всякое время приятно видеть добрую мать, окруженную своими детьми, и счастливого ее мужа, который ими утешается. Чай, как и обед, подает у них случай к собранию всего семейства.

— Я слышала также, — говорит Миловзора, — англичанки любят хозяйство.

— Точно так, — отвечает пустынник. — И те, которые более благородные, англичанки любят своего мужа, сами кормят и нянчат своих детей, смотрят за хозяйством и занимаются рукоделием, не имея нужды прибегать к рассеянию от праздности и скуки.

11 июля

Сон

Оставляя своих хозяев размыслить и исполнить данные им советы, пустынник отправляется в город. Он приближается к оному при заходении солнца. Оно уменьшило свой блеск и покрытое тонкими облаками сияло как сквозь завесу, позволяя смертному устремлять на него любопытные взоры. Когда с одной стороны пламенный свет неба разливался в различные степени живейших красок, город, напротив того, с великолепными своими зданиями стоял печально в тумане и сумрачной темноте.

— Вот живая картина, изображающая великое различие творений Божиих и произведений человеческих, воскликнул пустынник и продолжил путь свой, встречает в городе тишину ночи, которая являет новые красоты неба.

Луна выступает из облаков, украшает их своим сиянием и освещает земли; тихий ее свет как согласие музыки отвечает безмолвию ночи; он слабо открывает все окружающие предметы, они все как в отдалении видятся и не развлекают внимания, дух спокойно предается беседованию с самим собою.

Пустынник с сожалением оставляет приятное зрелище для успокоения от трудов своих. Он сравнивает красоту и стройность всего мира, управляемого неприметными законами порядка с превратностью и несчастиями жизни человеческой.

Он засыпает и видит во сне бесчисленное множество разных людей, народов отделенных на свои начальства, последующих одному главному путеводителю, который имел от всех их нечто общее и назывался обычай, окружен небольшою свитою своих приближенных с помощью их вел по своему произволению всю толпу народов сих. Он устремляется в одну сторону, обращается в другую и все народы со своими предводителями по мере их близости и отдаления скорее или позже ему последуют и переменяют свое шествие: то, идучи тихо, то бросаясь как безумные чрез крутизны и стремглавы.

Вдруг представляется долина бозмерного пространства, путеводитель обращает туда свой путь; ближайший народ бежит за ним стремглав, множество оного упадет в сокровенную пропасть, другие торжествуют и хотят в сей долине основать свое жилище и начинается новое столпотворение.

Предводители прочих народов удерживают их, показывают им побиающих в сокровенной пропасти, каждый старается обратить своих последователей на другой путь. Всеобщее смущение и замешательство. Волнение и шум пробуждают пустынника, он размышляет о своем сне.

Торжественный звон колоколов, он обращает свои стопы к одной церкви и находит великое стечеие народа, и слышит благодарственное пение о победе над врагами. Принеся молитвы к всевышнему, он осматривает всех предстоящих, разбирает теледвижения и черты лица их, видит знатное собрание военных, примечает, умеют ли они только усердно молиться, сколь храбро сражаются их собратия. Он вопрошает одного священника, который свободно стоял у алтаря: "Кто сии побежденные враги?" .

- Неужели вы не знаете? – французы, – отвечает он.
- Я знал их, говорит пустынник, – как любимый народ наших соотечественников, которые все у них перенимали и по книгам их учились рассуждать. Сделавшись врагами, как они мыслят об них?
- Всякий мыслит по своему, Бог знает, кто как думает, – не успел сказать священник, как услышали они двух разговаривающих подле них французским языком.
- Как, неужели здесь французы в сем храме? – с удивлением спрашивает пустынник.
- Разве вы не знаете, дворянство всегда у нас говорит по-французски, и почитает за недостаток воспитания не знать сего языка.
- Как по этому, батюшка, вы стыдитесь или боитесь французов и, побеждая их, покоряетесь им в обычаях ваших.
- Мне кажется, к сей войне солдат, надлежало бы прибавить новую войну с мнениями и обычаями французскими, которые суть началом всего зла.
- Например, посмотрите вы на предстоящих, с каким расположением кто слушает молитвы.
- Сам Бог – сердцевидец, отвечает разумный священник, – кто может проникнуть глубину сердца. Один притворно изъявляет на лице свое усердие, другой стоит благоговейно по неволе для присутствия своего начальника. Другой для избежания упреков лицемерия воздерживает внутренние движения тронутого сердца и показывается равнодушнее, нежели как он в самом деле.
- Так, батюшка, вы справедливо рассудили и верно откровенная беседа сотоварищства и знакомства показывает более вашей испо-

веди мнение людей о вере, и всякое строгое взыскание в наружностях оной умножит только принужденных лицемеров, вы можете более успеть своими убеждениями, увещаниями и советами.

— Пожалуйте ко мне в дом, — говорит священник. Пустынник охотно принимает сие приглашение. Они проходят разные улицы и делают свои замечания. Останавливаются и входят в дом, где встречают священника дети его.

— Вот мои бедные сироты, — говорит он, целуя их, едва удерживаясь от слез. Он спрашивает старуху, которая открывала двери, на-кормила ли их.

— Мы кушали, — отвечали дети сами. Гость видит большую библиотеку и примечает хозяину, видно он охотник читать.

— Книги и дети — одно мое утешение, недавно я лишился своей жены и друга. Печальное воспоминание смущает дух мой, но мы должны закончить разговор наш.

— Я надеюсь, — отвечал пустынник, — мы не в последний раз беседуем.

[...] Французы первые уполномочили неверие законам и ввели оное в существоство своего правления. По всей связи, которая существует между всеми европейцами, по сей наклонности, которую они имеют, подражать примеру весьма опасно, дабы сие зло не распространилось и вся Европа в надменности своего просвещения не отвергла веры.

— Я только вам скажу мое примечание, что господствующие мнения и обычаи сего века причиною всех французских дел, ложные умствования суть непременных, последствия общего развращения нравов, разрушающего все преграды нравственности, народы, во-первых, преступают должности веры и потом восстают против её теории.

Когда то храбрые сыны России смиряют новых учителей, чувствуете ли вы купно со всеми другими служителями алтаря поревнование толь же отважно нападать на развращение и пороки нравов сего века. Ибо, хотя силою оружия военного и совершенно будут побеждены французы, но если обычаи и нравы их укоренятся то укоснят произвесть новые отрасли и горчайшие плоды.

Благоразумный священник согласен был на сие примечание пустынника. Он усердно желал споспешествовать доброму его намерению остерегать от заблуждения своих сограждан.